

В душе Дуань Юэ бушевали противоречивые чувства. Она никак не ожидала встретить здесь Пэй Цинъи. Когда Шэнь Чжэн показал ей фотографию невесты Шэнь Цзюня, она лишь отметила смутную Familiarität, но даже не подумала, что тот сменил имя и стал её свояченицей.

— Как поживает бабушка Пэй? — спросила Дуань Юэ.

Пэй Цинъи лишь горько усмехнулся и покачал головой:

— Несколько лет провела в больнице, а прошлой зимой ушла.

— ...

В горле у Дуань Юэ встал ком. Она не знала, что сказать. Помолчав, она протянула руку и нежно погладила волосы Пэй Цинъи — жест, полный чисто женской нежности.

— Может, это и к лучшему, — тихо произнесла она. — Оставаться в этом мире означало бы лишь муки. Жаль только тебя... Помню, когда видела тебя в последний раз, ты только в среднюю школу поступил. А теперь вот уже и женился.

Прежде она знала Пэй Цинъи как того, кого вся семья Сюй носила на руках. Пусть он и рано потерял мать, но бабушка Пэй окружала его такой заботой и любовью, какой редко кто достаивается.

Тот мальчик и тогда обладал благородной осанкой, безупречными манерами — бабушка воспитала его превосходно. Но в глубине души сквозила некая отстранённость, высокомерие юности, не ведающего житейских тягот. Нынешний же Пэй Цинъи сильно изменился. Стал мягче, всегда встречал людей доброжелательной улыбкой, а то бывшее высокомерие будто полностью стёрлось.

Возможно, оно и осталось где-то внутри, просто больше не проявлялось наружу.

Дуань Юэ не знала, через что он прошёл за эти годы. Но, видя эти перемены, её сердце сжималось от щемящей, невыразимой тоски.

— Третий брат — человек способный, с добрым сердцем. С ним ты не будешь знать лишений, — сказала она.

В душе её клубилась тысяча вздохов, но она чувствовала, что в такой день не стоит касаться грустного. Подавив печаль, она взяла Пэй Цинъи за руку и спросила:

— Он хорошо к тебе относится? Я видела, как он тебя оберегает — на банкете почти все тосты за тебя принимал, хотя и сам-то выпить не больно горазд.

— Да, он ко мне очень хорош, — при упоминании Шэнь Цзюня на лице Пэй Цинъи тоже возникла лёгкая улыбка. — Не волнуйся, сестра Дуань, у меня здесь всё хорошо. Да и старая госпожа обо мне заботится.

— Вот и славно, — Дуань Юэ улыбнулась. — Старая госпожа у нас любит баловать своих. Раз ты стал мужем третьего, считай, что попал в рай. Уж она-то точно будет тебя выделять.

Пэй Цинъи, вспомнив, что теперь она его свояченица, смутился:

— Старая госпожа справедлива. Если кто провинится по-настоящему, она никого выделять не

станет.

— Это точно.

Они поговорили ещё немного, и лишь затем заметили, что прошло уже минут двадцать.

— Мне пора, — сказала Дуань Юэ. — А то мой-то забеспокоится. А ты как? Голова прояснилась? Пойдём вместе назад?

Пэй Цинъи кивнул, и они вернулись в зал, сев за одним столом.

Шэнь Цзюнь не знал об их прошлом знакомстве. Увидев, что они ладят, он тихо сказал Пэй Цинъи на ухо, что теперь у того появилась союзница, и он может не волноваться, что его станут притеснять в его отсутствие.

Впрочем, Дуань Юэ и Шэнь Чжэн жили в военном городке, а не в усадьбе Шэнь, поэтому помочь они могли мало. Но Пэй Цинъи всё равно ощутил некое спокойствие.

В этом доме наконец-то появился человек, которого он знал, да ещё и сестра Дуань, на которую он опирался в детстве.

После окончания свадьбы гости стали расходиться. Управляющий сверял списки подарков, а отец и мать Шэнь пригласили всех к себе на лёгкий ужин.

Матушка Шэнь не могла сдержать улыбки, глядя на Пэй Цинъи, и твердила, что с сегодняшнего дня он окончательно вошёл в их семью и теперь должен думать о продолжении рода.

Пэй Цинъи слушал, и уши его горели. А когда он встретился с лукавым взглядом Шэнь Цзюня, смущение стало и вовсе нестерпимым.

Шэнь Минкэ в тот день не портил всеобщее настроение. Он лишь угрюмо молчал за едой, не вступая в разговоры, с видом полной апатии.

Матушка Шэнь, помня о важности дня, не стала задерживать молодых, поторопив их вернуться в свои покои — чтобы Шэнь Минкэ, не дай бог, не нагрубил и не омрачил такой прекрасный день.

Шэнь Цзюнь, держа Пэй Цинъи за руку, попрощался со всеми и повёл его назад. По пути слуги с улыбками поздравляли третьего господина и третью госпожу с законным браком.

Когда Пэй Цинъи вновь оказался в их покоях, его ощущения были уже совершенно иными. Теперь он и сам был здесь хозяином, а не гостем.

Вся усадьба была украшена свадебными атрибутами — повсюду цветы и ленты. Но когда он открыл дверь в спальню, кровь бросилась ему в лицо: на алом свадебном одеяле были рассыпаны арахис, лонганы, финики, каштаны и прочие сушёные плоды — лечь было попросту некуда.

Семья Шэнь чтит изящные традиции и не практиковала вульгарных обычаев вроде шумных свадебных испытаний, но некоторые обряды всё же соблюдались.

Шэнь Цзюнь лишь усмехнулся, предложив Пэй Цинъи пойти первым в душ, пока он всё приберёт.

Когда Пэй Цинъи вышел из ванной, закутанный в полотенце, орехи и фрукты уже были аккуратно сложены в стороне. Шэнь Цзюнь в банном халате полулежал на кровати с книгой. Увидев его, он отложил книгу и раскрыл объятия. Пэй Цинъи послушно приник к его груди.

— Так долго ждал, — тихо, без упрёка, произнёс Шэнь Цзюнь, опуская голову и оставляя поцелуй на его влажных, благоухающих волосах.

Нежная кожа Пэй Цинъи, распаренная в ванной, отливала лёгким румянцем, а щёки пылали, словно зарево.

— Я... я всё вымыл, — прошептал он.

— М-м? — в глазах мужчины заплясали искорки. — А что именно вымыл? Расскажи-ка.

— Да ты же... — Пэй Цинъи стукнул его кулачком по груди и бросил бессильно-сердитый взгляд. — Ты же и так всё знаешь!

...

На следующее утро Пэй Цинъи с трудом мог ходить. В сердцах он отвернулся к стене, не желая разговаривать.

Мужчина едва сдержал смех, ласково помассировав ему поясницу, и лишь после этого настроение Пэй Цинъи улучшилось. Тот покорно последовал за ним, как настоящая молодая жена, чтобы нанести визит отцу и матери Шэнь.

Матушка Шэнь, глядя на них, не могла нарадоваться. Она загорелась идеей устроить Пэй Цинъи на спокойную должность в компании — чтобы тот мог быть рядом с Шэнь Цзюнем. Она понимала, что молодым не сидится на месте, невозможно целыми днями торчать в усадьбе. Пусть Пэй Цинъи займётся чем-нибудь необременительным под началом Шэнь Цзюня, и будут они вместе на работу ходить, вместе возвращаться — прекрасно же!

Шэнь Цзюнь был не против, но знал, что у Пэй Цинъи уже есть работа. Поэтому он сказал матери, что этот вопрос можно обсудить позже.

Матушка Шэнь, хоть и хотела настаивать, видя его решимость, лишь посоветовала Пэй Цинъи найти занятие попроще.

Она-то видела эти дни: возвращается он с работы таким измождённым, словно на каторге отпахал.

Несколько раз наедине она выговаривала Шэнь Цзюню: присмотри, мол, да помоги ему поскорее бросить эту каторжную работу — сердце разрывается смотреть. И Шэнь Цзюня корила: как это он не жалеет свою же супругу?

Говорила, семье его денег не нужно, лишь бы здоровье не подорвал.

Вернувшись в покои, Шэнь Цзюнь вновь завёл с Пэй Цинъи этот разговор, настойчиво спросив, чем же тот занимается. Но Пэй Цинъи лишь покачал головой, сохраняя молчание.

Шэнь Цзюнь нахмурился, но более не стал давить.

Работы у Шэнь Цзюня было невпроворот. После свадьбы ему пришлось срочно заниматься накопившимися в компании делами. Он предупредил Пэй Цинъи, что следующие несколько

дней будет задерживаться, но как только всё уладит — сразу возьмёт его в свадебное путешествие, заранее прося не обижаться на отсрочку.

Пэй Цинъи, естественно, и не думал обижаться из-за пары лишних дней. Напротив, он размышлял, что как раз за это время успеет кое-что сделать.

Иначе зачем тогда было столько терпеть? Пэй Цинъи больше не был тем, кто тратит силы понапрасну.

Во время свадьбы Дай Сюань тоже докучала сообщениями, требуя срочно вернуться в группу: мол, есть сцены для съёмок, не задерживай весь процесс.

Прибыв на место, Пэй Цинъи наконец узнал, о каких именно сценах шла речь. Внутренне он лишь холодно усмехнулся, внешне же сохранил полное спокойствие. Как всегда, покорно, словно безропотная овечка, он переоделся в требуемый костюм и стал ждать начала съёмки.

<http://bllate.org/book/15935/1424369>